



УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.01

### **Андреев Игорь Львович**

кандидат исторических наук, доцент  
Московский городской педагогический университет  
Москва, Россия  
andreev\_hist@mail.ru

### **Челнокова Алла Юрьевна**

кандидат исторических наук, доцент  
Московский городской педагогический университет  
Москва, Россия  
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

## **«ГОСУДАРЕВЫ НЕТЧИКИ» (К ВОПРОСУ О МЕСТЕ БЕГСТВА ДВОРЯНСТВА СО СЛУЖБЫ В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСТВА В XVII В.)**

*Аннотация.* Рассмотрение причин, побуждающих дворянство избегать службы или покидать ее до срока (так называемое нетство) представляется актуальным в связи с тем, что это явление в середине – второй половине XVII в. носило массовый характер и как проявление жизненных реалий находилось в постоянном развитии. По мере того как власти изыскивали способы заставить служилого человека своевременно являться на службу и служить, дворяне и дети боярские придумывали все новые и новые способы обойти законодательство и практику розыска беглых. Размах нетства находился в прямой связи с интенсивностью и тяжестью службы. Влияла на масштабы бегства также решимость властей бороться с подобными рода нарушениями. Однако материальная несостоятельность служилых людей побуждала правительство подходить с осторожностью к наказанию нетчиков и беглых ратных людей.

Вместе с тем, будучи неотъемлемой частью службы, нетство и борьба с ним выступают, с одной стороны, как проявление этой службы, а с другой стороны, как способ воздействия сторон друг на друга. Это свидетельствует о том, что

проблема нетства не исчерпывается военно-служебными аспектами, а может и должна рассматриваться в более широком контексте складывающегося на протяжении всего XVII в. диалога служилого сословия с властью. В исследовании этого диалога важным представляется изучение сословного самочувствия самого дворянства, а именно способности провинциальных служилых людей в рамках своих сословных институтов — служилых городов, через угрозу служебной порухи, адресованную власти, — последовательно и осознанно отстаивать свои интересы и требования.

**Ключевые слова:** государева служба, нетчики, нетство, поместное войско, служебная поруха, диалог власти и дворянства, сословный менталитет дворянства.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.01

### **Andreev Igor L.**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor  
Moscow City University  
Moscow, Russia  
andreev\_hist@mail.ru

### **Chelnokova Alla Yu.**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor  
Moscow City University  
Moscow, Russia  
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

## **«SOVEREIGN NETCHIKI» (ON THE QUESTION OF THE PLACE OF FLIGHT OF THE NOBILITY FROM SERVICE IN THE DIALOGUE OF POWER AND NOBILITY IN THE XVII CENTURY)**

**Abstract.** Consideration of the reasons that encourage the nobility to avoid service or leave it before the deadline seems relevant due to the fact that the phenomenon of non-nobility in the middle – second half of the XVII century was massive and, as a manifestation of the realities of life, was in constant development. As the authorities searched for ways to force a serving man to appear on duty and serve in a timely manner, nobles and boyar children came up with more and more new ways to circumvent the legislation and the practice of searching for fugitives. The scope of the service was directly related to the intensity and severity of the service. The determination of the authorities to deal with such violations also influenced the scale of the flight. However, the financial insolvency of serving people pushed the government to various decisions, prompting it to approach with caution the punishment of netchiks and fugitive military men.

At the same time, being an integral part of the service, piracy and the fight against it act, on the one hand, as a manifestation of this service, and on the other hand, as a way for the parties to influence each other. This indicates that the problem of slavery is not limited to military service aspects, but can and should be considered in the broader context

of the dialogue of the service class with the authorities that has been developing throughout the XVII century. In the study of this dialogue, it is important to study the class well-being of the nobility itself, namely, the ability of provincial service people within their class institutions — service cities, through the threat of official ruin addressed to the authorities, to consistently and consciously defend their interests and demands.

**Keywords:** the sovereign's service, netchiki, netstvo, the local army, the official porukha, the dialogue of power and nobility, the class mentality of the nobility.

**Введение.** На протяжении всего XVII в. проблема явки дворян на службу и бегства с нее была для властей одной из самых острых. Неслучайно обязательство не покидать самовольно государеву службу фигурирует в крестоцеловальных записях служилых людей. Тем не менее эта мера мало помогала. «Болезнь» быстро прогрессировала с момента возникновения поместного войска. И это вполне объяснимо: нетство («нети», «неты», «нетчики») — прямое следствие поземельного характера службы, хотя, конечно, только этим нельзя объяснить пространный список причин бегства. Поставив службу в прямую зависимость от материального положения ратного человека, «поднимавшегося» на службу из своего поместья или вотчины, власть создала условия для всевозможных уклонений по причине отсутствия или недостатка средств. Система была обречена на появление невольных нетчиков, которые не приезжали в полки или покидали их до срока не потому, что не желали служить, а потому что не могли этого сделать. Для одоления подобного недуга следовало предложить иные принципы организации и обеспечения службы вкупе с изменением взглядов на саму службу.

Нельзя сказать, что в этом направлении первыми Романовыми ничего не было сделано. Однако коренные изменения пришлось на правление Петра I. Реформатор разорвал прямую связь между службой и землей. Владение землей как основание «подниматься» или «не подниматься» на службу ушло в прошлое. Связь «служилый человек по отечеству — верстанье — испомещение — государева служба» сменилась на более простую, лишенную «посредников»: «дворянин — служба». Иначе говоря, служба вытекала из сословной принадлежности: ее стали рассматривать как сословную повинность и одновременно как неотъемлемую часть дворянского статуса со всеми его наследственными правами, привилегиями и обязанностями.

Ликвидация «земельного посредничества» при Петре I чрезвычайно важная перемена, свидетельствующая о возросших материальных ресурсах государства, поскольку денежное жалованье приобретает в XVIII в. несравненно большее значение, нежели это было прежде. В XVII в. городское жалованье или даже жалованье «из чети» давались скорее «на подъем», в канун очередных военных кампаний. В феврале 1711 г., с утверждением нового порядка обязательной службы в полках кавалерии и инфантерии, было установлено штатное жалованье, заменявшее прежнее награждение служилых людей поместными землями. Три года спустя, с появлением Указа о единонаследии,

был упразднен поместный оклад. Денежное жалованье стало основной формой вознаграждения с привязкой к званию<sup>1</sup>. Власть избавлялась от крайне обременительной для себя задачи наделения дворянства землей. Высвобождались огромные властные ресурсы, которые перенаправлялись на решение более важных задач государственного строительства и управления.

Разрушение в сознании дворянства связи между земельным имуществом и службой лишило служилого человека такого весомого «оправдательного» аргумента для нетства, как отсутствие у него поместья и всех производных статусов — беспоместного, малопоместного, пустопоместного и т. д. — помещика. Нетчик уже не мог сослаться на эти обстоятельства, или, по крайней мере, пространство для подобного рода заявлений существенно сужалось. Даже ссылка на бедность приобретала несколько иной подтекст: она оказывалась связанной с размерами жалованья, его невыплатой, задержкой и т. д. Конечно, служилые люди еще долгое время продолжали сослаться на отсутствие имений, этих истинно базовых источников дворянского благополучия. Но так проявлялась инерция сословного менталитета.

Само отсутствие на службе может быть рассмотрено не только в плане материального положения служилого человека. Оно еще и часть диалога, который складывался между властью и дворянством. Будучи неотъемлемой частью службы, нетство и борьба с ним выступают как проявление этой службы (состояние службы, ее организация, отношение к службе дворянства и т. д.) и одновременно как способ воздействия сторон друг на друга. Последнее требует некоторого разъяснения. Дело в том, что нетство можно рассматривать как демонстрацию сословного самочувствия дворянства. Следовательно, чрезвычайно важно попытаться выяснить те причины, которые побуждали дворянство избегать службы или покидать ее до срока. Более того, массовое нетство было средством давления дворянства на власть. При этом в не особенно богатом арсенале средств воздействия дворянства на правящие сословие нетство, следом за коллективными челобитными и дворянским «рокошем», можно причислить едва ли не к самым эффективным способам вразумления властей предрежащих. Стороны это неплохо понимали. Неслучайно дворяне в своих коллективных обращениях неизменно пугали Романовых угрозой служебной порухи, если те не пойдут навстречу их требованиям.

С другой стороны, понятно, что словесные угрозы лишь полдела. Важно выяснить, способны ли были провинциальные служилые люди осуществить их, причем не стихийно, как следствие случайно сложившихся неблагоприятных обстоятельств, а вполне осознанно, по взаимной договоренности, в рамках своих сословных институтов — служилых городов. В связи с этой задачей попытаемся хотя бы в самом общем виде охарактеризовать нетство в середине — второй половине XVII столетия.

<sup>1</sup> Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 37.

**Ход и результаты исследования.** Какой размах приобретало нетство в XVII в.<sup>2</sup> В литературе по этому поводу нет единой точки зрения. Обычно, следуя за источниками, исследователи говорят о существенном размахе этого явления, способного повлиять на исход целых кампаний. Так, Н. Ш. Коллманн писала: «По подсчетам Джона Киипа, к концу века лишь один из каждых пяти провинциальных детей боярских был активно занят на военной службе, остальные все время пребывали в своих поместьях»<sup>3</sup>. Цифра спорная и вместе с тем показательная, заставляющая говорить уже не о кризисе служилой системы, а ее полном крахе.

Встречаются и противоположные призывы — не преувеличивать размах нетства. Надо признать, что опираться на отписки воевод, подобно тем, что присылал боярин М. Б. Шеин в конце 1633 г. из-под Смоленска, для выводов о всеобщем бегстве действительно некорректно. Оказавшийся в тяжелом положении, Михаил Борисович был заинтересован в том, чтобы представлять свое положение в самых мрачных красках. Преувеличение в воеводских отписках, начиная с описания побед и подсчета «убитых мужиков» и кончая пережитыми трудностями, едва ли не родовое свойство этого типа источника.

Столь же неубедительны ссылки на публицистические произведения. Они скорее позволяют судить об общественных настроениях, отношении к таким явлениям, как уклонение дворян от службы. Мы имеем в виду прежде всего известные обвинения И. Т. Посошкова, давно уже ставшие расхожей иллюстрацией к теме нетства. Посошков посчитал нормы Соборного уложения о наказании нетчиков излишне мягкими. Критикуя их, он писал: «Тем прежним указом (о наказании. — *И. А., А. Ч.*) так дворяня избалованы: в Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одну ногу не бывал... <...> И не сей токмо Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают»<sup>4</sup>.

И. Т. Посошков повествует о проделках Пустошкина, с помощью которых тот избегал службы. «И какие посылки жестокие на него ни бывали, — писал публицист, — никто взять его не мог, оных дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на ся юродство и возгри по бороде попустит. И за таким его пронырством инии и з дороги отпускали, а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великому государю кроме огурства (непослушания, упрямства. — *И. А., А. Ч.*) не показал, а соседи все его боятца»<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> Число нетчиков в XVI в. уже достигало цифр, существенно влиявших на планы и возможности властей. Особенно ощутимо это стало видно на исходе Ливонской войны. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 54; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 90.

<sup>3</sup> *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. М., 2001. С. 328.

<sup>4</sup> *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое. М., 2010. С. 105, 106. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

<sup>5</sup> Там же. С. 106.

Надо признать, что сколь ни живописны пассажи Посошкова, о подлинном размахе неявки на службу на их основе судить трудно. Очевидна необходимость обратиться к приказному делопроизводству с его бесчисленными списками «естий и нетов». На смотрах, к примеру, воеводы опрашивали окладчиков «по спискам про дворян и детей боярских, про всякого человека порознь», выясняя среди прочих вопросов о том, как он служил прежде — не бегал ли? являлся ли в полки к назначенному сроку? По-видимому, только комплексное изучение подобных источников позволит выяснить истинную ситуацию с явкой и пребыванием дворян на службе в полном объеме и на прочной документальной основе.

Тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Понятно, что размах нетства находился в прямой связи с интенсивностью и тяжестью службы. Влияла на масштабы бегства также решимость властей бороться с подобного рода нарушениями. Служилых людей не могли ввести в заблуждение словесные угрозы, звучавшие в царских указах. Для них было важно, насколько они подкреплялись реальными санкциями. Так, в относительно мирный 1650 г. каждый третий московский дворянин первой половины позволил себе не явиться или до срока съехать со службы. Из доклада в Боярской думе выясняется, что на 25 августа в «ести» числилось 659 человек, в «неты» попало 602. Еще 159 были в посылках, на воеводстве или получили отсрочку. Кроме того, 178 человек служили в рейтарах и 37 находились при дворе. Таким образом, число нетей составило почти 38 % от общего числа призванных к службе<sup>6</sup>.

Войны, естественно, влияли на нетство. Особенно в моменты кризисные, вызванные неудачами на полях сражений. Для Московского государства подобные периоды пришлись на Смоленскую войну 1632–1634 гг. и на конец 1650-х – начало 1660-х годов, когда Речь Посполитая, отразив шведское нашествие и преодолев внутренний кризис, сумела возобновить войну с Московией.

М. Б. Шеин столкнулся с проблемой бегства едва ли не в первые недели осады Смоленска. Уже в январе 1633 г. он писал, что «конные ратные люди с нами небольшие, а иные из них пеш и многие с твоей государевой службы съехали, и из тех нетчиков на твою государеву службу к нам... января по 4 число не бывал ни один человек»<sup>7</sup>. К апрелю число нетчиков достигло 1743 человек,

<sup>6</sup> Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук / под ред. Н. А. Попова (далее — АМГ). Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. СПб., 1894. С. 273.

<sup>7</sup> АМГ. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 438–439. Сколь правдив был «большой воевода» можно судить по числу нетей в полку Нагово. В конце 1632 г. у него было около 1500 дворян и детей боярских. Из этого числа в декабре ушло 57 человек (еще в Рославле); с декабря по 26 января 1633 года в нетях числилось 141 человек; с 26 января по 17 февраля ушло 42 человека; с 17 марта по 20 марта — еще 150 человек. При этом с декабря по 24 марта в полк было возвращено 108 человек. См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 42. Л. 497–673.

а к августу — уже 5066 человек<sup>8</sup>. Это при том, что в полках Шеина служилых людей сотенного строя было чуть больше 14 тысяч человек. Чтобы как-то повлиять на ситуацию, правительство призвало полковых воевод «смотреть служилых людей по списку почаству». Поскольку обычные меры по розыску и возвращению нетчиков силами городских воевод мало помогали, летом прибегли к посылке в уезды сыщиков. Последние столкнулись с «двойными нетами», т. е. с теми, кто ухитрился дважды покинуть места службы<sup>9</sup>. Деятельность сыщиков не прошла бесследно. По неполным данным, из 14 городов за май — июль 1633 г. в полки были возвращены 462 человека<sup>10</sup>. Однако этот поток не мог преодолеть поток встречный — бежало из-под Смоленска больше, чем возвращалось. Особенно возросло бегство с появлением под Смоленского короля Владислава IV. В сентябре 1633 г. Шеин писал: «И ныне, государь, дворяне и дети боярские и иноземцы и татаровя с твоей государевой службы бегут ежедень беспрестанно... Рать твоя, государь, разбежалась»<sup>11</sup>.

В литературе давно отмечены причины, которые вызвали бедственное положение в полках Шеина. Здесь и тяготы войны, и губительные последствия набегов крымцев на южные уезды летом 1633 г.<sup>12</sup> В январе следующего года на Земском соборе это обстоятельство было официально признано причиной побегов: «Дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, слыша, что у многих поместья и вотчины повоеваны, матери, жены и дети в полон взяты, из-под Смоленска разъехались, и остались под Смоленском немногие люди»<sup>13</sup>. В действительности в неменьшей степени побег совершали и те служилые люди, чьи уезды не были разорены крымцами. Шеин по этому поводу жаловался, что среди дворян распространился слух, будто нетчиков не наказывают. Из Москвы поспешно отписали, что это неправда и сбежавших «за их воровство наказывают без всякой пощады»<sup>14</sup>. В сентябре 1633 г. указано было «у нетчиков, в которых городах нынешнего лета татарская война не бывала, имать из дачи из поместий их по четверные доли... и отдавать дворянам тех городов, которые без съезда». У дворян, взявших государево жалованье, но так и не явившихся в полки, приказано было отписывать все поместье<sup>15</sup>.

Правительство стремилось выглядеть грознее, чем оно было на самом деле. Поймать и наказать всех нетчиков власть не имела ни сил, ни времени.

<sup>8</sup> *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние русской армии. Киев, 1919. С. 154.

<sup>9</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 50. Л. 15.

<sup>10</sup> Там же. Л. 35–742.

<sup>11</sup> Там же. № 45. Л. 135–136.

<sup>12</sup> [*Новосельский А. А.*] Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 322–333.

<sup>13</sup> Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. М., 1990. С. 159.

<sup>14</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 18.

<sup>15</sup> АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 531–532.

Да и сама политика в отношении нетчиков была непоследовательной. Властям пришлось считаться с настроениями поместной армии и идти на всевозможные уступки и послабления. Когда в Можайске в конце 1633 г. для деблокады окруженных войск М. Б. Шеина стали срочно формировать армию Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского, то, несмотря на всю трагичность ситуации, нетчиков не стали сразу же отсылать в Можайск. По челобитьям обнищавших служилых людей отпускали в поместье с условием скорого возвращения на службу<sup>16</sup>.

Какой же масштаб приобрели неявка и бегство со службы в Смоленскую войну (речь идет об армии, осадившей Смоленск)? В конце декабря 1633 г. в Можайске был составлен список с указанием «смоленских нетов». Последних по 53 служилым городам вышло 5347 человек<sup>17</sup>. Едва ли эта цифра полная. Но она перекликается с августовской цифрой того же года. Во всяком случае нетство оттянуло из «таборов» Шеина с товарищами более трети дворян и детей боярских, что, несомненно, повлияло на исход противостояния. Заметим, что формирование деблокирующей армии также шло из рук вон плохо. Служилые люди не спешили в Можайск. В начале января 1634 г. с воеводами, помимо небольших формирований стрельцов, отрядов татар, числилось 357 дворян и детей боярских<sup>18</sup>. К 24 февраля ситуация несколько улучшилась: в списках значилось уже 10 180 человек<sup>19</sup>. Однако обстановка к этому времени кардинально изменилась: в феврале армия Шеина капитулировала перед королем Владиславом.

С аналогичными проблемами московское правительство столкнулось в конце 50-х – начале 60-х гг. XVII в. Чудново, Конотоп обернулись тяжелыми поражениями, вызвавшими ропот, недовольство и бегство служилых людей из полков. В итоге последовал ряд указов, призванных вернуть в полки нетчиков. Воеводам украинских городов было предписано разыскать всех живущих в их уездах помещиков и расспросить, «кто откуда, и по отпуску ль или собою с государевы службы съехались». Беглых велено было возвращать в полки за «крепкими поруками», если поруки не будет — кидать в тюрьму «до указа»<sup>20</sup>. К нетчикам был обращен призыв возвращаться на службу. Им грозили великой опалой, разорением и даже казнью: «а которые с службы сбежав, в дома свои приедут, и их велено ловить и вешать». При этом отмечалось, что «без их (т. е. дворян. — *И. А., А. Ч.*) челобитья» в полки послано денежное жалованье и хлебные запасы<sup>21</sup>.

Призывы не дали должного эффекта. Так, в октябре 1659 г. стали разыскивать рязанцев и коломчан полка Ф. Куракина, которые самовольно отправились по домам. Стольник князь М. И. Волконский должен был собрать беглых

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 50. Л. 21; Д. 52. Л. 90–92, 94, 98, 99.

<sup>17</sup> Российская национальная библиотека. Эрмитажное собр. № 461. Л. 193–202 об.

<sup>18</sup> РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 270.

<sup>19</sup> Там же. Столбы Белгородского стола. № 48. Л. 449–450, 469–471. При этом в нетчиках только одних московских дворян числилось 606 человек. По Е. Д. Сташевскому, к 15 февраля в Можайске было 10175 чел. См.: *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. С. 169.

<sup>20</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 1. СПб., 1830. С. 487.

<sup>21</sup> Там же. С. 488.



помещиков и вотчинников в приказной избе, вычитать им государев указ: за их проступки бояре приговорили учинить им жестокое наказание — бить кнутом. Но царь смиловался, «наказания им чинить не велел», а велел за их вину — бегство до Конотопского боя — писать на чин ниже и убавить из оклада по 100 четвертей земли. У тех, кто сбежал после боя, за побег также указано было отнять выборный и дворовый чин и по 50, а не 100 четвертей. Тех же, кто, взяв денежное жалованье, не поехали в полк или с дороги повернули и на службе не были, за такое воровство велено нещадно бить кнутом и далее «учинить по наказу»<sup>22</sup>.

Меры правительства Алексея Михайловича слабо влияли на ситуацию. Разброд в среде дворянства, уставшего от долгой войны и неудач, продолжался. Так, по итогам смотра, в январе 1661 г. в полку П. А. Долгорукого оставалось 1164 человека дворян и детей боярских из городов. В «неты» угодили 1175 человек, т. е. 50 %<sup>23</sup>. В том же году в связи с большим количеством нетчиков в полках во все украинные, замосковные и новгородские города были направлены высильщики, собиравшие беглецов под угрозой смертной казни для укрывателей<sup>24</sup>.

Окончание Русско-польской войны 1654–1667 гг. не привело к существенному послаблению в службе. Возраставшая угроза со стороны Крыма и Турции побуждали держать в постоянной готовности большие воинские формирования. Соответственной была и реакция ратных людей, выражавших свой протест в привычных им формах. В 1677–1678 гг. по московскому наряду в Белгородском полку недосчитались 5041 человек — 34 % от списка, в том числе служилых людей сотенной службы — 65 %<sup>25</sup>. В 1679 г., уже по окончании Чигиринских походов, из 85 тысяч с лишним числившихся по спискам служилых людей в полках объявилось 69 тысяч<sup>26</sup>.

О размахе нетства косвенно свидетельствуют изменения в организации сыска беглых ратных людей. По мере того как традиционные меры — высильщики, порука, ужесточение наказания и т. д. — перестали эффективно работать, власти все чаще стали прибегать во второй половине столетия к помощи сыщиков. Институт сыщиков (близкие к ним высильщики имели меньше прав), несомненно, имел свои преимущества: во-первых, сыщики выполняли лишь одну функцию и, в отличие от городских воевод, не разрывались между различными делами. Во-вторых, они были заинтересованы в скорейшем выполнении возложенных на них обязанностей, поскольку это было главным условием возвращения в Москву. В-третьих, они работали в тесном контакте

<sup>22</sup> ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 490–491.

<sup>23</sup> АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 332.

<sup>24</sup> Там же. С. 397–399.

<sup>25</sup> РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 95. Л. 81–90.

<sup>26</sup> *Калинычев Ф. И.* Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 143.

с воеводами, причем не только с городовыми, но и с полковыми<sup>27</sup>. Примечательно, что дворянство приветствовало институт сыщиков, возлагая на него немалые надежды. Можно даже говорить о тенденции превращения института сыщиков из временного в постоянный, т. е. из меры экстраординарной в ординарную. Отметим при этом, что подобная тенденция — свидетельство кризиса системы в целом. Прежние методы принуждения к службе себя не оправдывали. Подобное положение — исходный момент для постепенного вызревания мысли о необходимости менять всю систему организации службы<sup>28</sup>.

Важно напомнить, что при определенных обстоятельствах дворяне могли продемонстрировать редкое единодушие и явиться на службу чуть ли не в полном составе уездных корпораций. Вызвано это было, впрочем, не внезапным «приступом патриотизма», а скорее, ожиданием щедрых вознаграждений, по каким-то причинам превышающих обычные. Один из таких примеров — знаменитый серпуховский поход Бориса Годунова, во время которого служилые люди, не без основания, ожидали обильных наград со стороны только что избранного на престол государя. Еще пример: сбор дворянского ополчения против «надворной пехоты» летом – осенью 1682 г. Дворянство проявило большую активность, попутно предъявив правительству царевны Софьи целый ряд важных требований<sup>29</sup>. Таким образом, явка на службу, как и нетство, во многом зависели от заинтересованности служилых людей, способных при необходимости продемонстрировать ее властям.

Повторимся, что проблема масштабов нетства требует специального изучения. Тем не менее следует признать, что традиционная точка зрения о высоком проценте нетчиков в кризисные моменты ближе к истине, нежели противоположные утверждения о преувеличении этого явления. Власти должны были постоянно считаться с этой угрозой. Они не могли также полагаться на решение этой проблемы посредством одних только уговоров или наказаний. Явление было более сложным и глубинным.

<sup>27</sup> В 1655 г. стряпчий Ларион Тихмеев, посланный в Старицу для высылки нетчиков в полк И. А. Хованского, отписал в Разряд о завершении сыска. На отписку последовала помета думного дьяка Д. Башмакова: послать И. А. Хованскому грамоту, чтоб он писал сыщикам, сколько они к нему посылали людей «по их высылкам» и сколько приехало, «чтоб им про то ведать». У тех дворян, которые явились в полк, людей и крестьян их из тюрьмы освобождать, которые не приехали — держать далее. Отправлена была грамота и Лариону Тихмееву с указанием продолжать искать «неоплошно» беглых и с уведомлением о том, что пока все «неты» в полк не явятся, в Москву ему отпуска не будет. 11 июля И. А. Хованский из Торопца отпустил стряпчего сыщика Федора Жеребцова, поскольку тот выслал к нему всех нетчиков. См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 11. Записные книги Московского стола: I. 1663–1664 г.; II. 1678–1679 г. / под ред. А. И. Тимофеева. СПб., 1889. С. 282, 287.

<sup>28</sup> Впрочем, у властей с сыщиками были свои проблемы. Особенно беспокоили их злоупотребления и стремление превратить сыск в способ наживы. Неслучайно рефреном в актах присутствовало указание назначать «сыщиков добрых, а не коростовщиков». См.: РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 29.

<sup>29</sup> [Новосельский А. А.] Указ. соч. С. 322–333.

Источники приводят множество причин нетства. Диапазон здесь — от уже упомянутой бедности до заурядной лени. В интерпретации властей далеко не все причины могли служить оправданием «избывания службы». Законным оставалось физическое состояние служилого человека — недомогание, болезнь, старческая немощь. При этом необходимо было пройти ряд процедур, подтверждающих потерю служебной пригодности. Однако помимо физической немощи существовали обстоятельства, с которыми власти принуждены были считаться и даже признать самодостаточными для оправдания. Сама эта достаточность зависела от конкретной ситуации, которая подталкивала верхи то к известной снисходительности, то к суровому осуждению нетчиков. Соответственно, варьировались и меры наказания.

Существовали свои критерии оправдания нетства и у служилых людей. С одной стороны, дворяне вовсе не были склонны потакать беглецам. Солидарность с властями в этом случае объясняется чисто утилитарными соображениями: никто не рвался нести службу за других членов уездных корпораций. Взгляд на службу «вровень», «в ряд» определял отношение членов служилого города к нетчикам. Такой подход совпадал с дворянским представлением о справедливости<sup>30</sup>. Тем более что при высокой конкуренции в борьбе за землю внутри уезда конфискация поместья нетчика открывала возможность исправному служилому человеку поправить свое материальное положение — следовало лишь своевременно ударить челом, изобличая «дезертира». И все это на законных основаниях, в рамках правительственных призывов.

Приведем несколько характерных случаев. В 1666 г. князю И. А. Хованскому пришлось разбирать челобитную торопчанина К. Непеицына (ее подал его родственник — П. Непеицын), который из-за болезни «лежит болен при смерти» и потому не может приехать в полк. Ему же «мстит по недружбе» торопчанин М. Т. Челищев. Тот будто бы объявил, что К. Непеицын не служит «за огурством» и просит отдать ему его поместье. В деле есть и челобитная истца, из которой следует, что «неслуг» Непеицын имеет четыре поместья — на Торопце, в Пскове, Нижнем Новгороде и Коломне. При этом родственники покрывают Непеицына. Челобитчик просит сыскать всем служилым городом, а затем дать очную ставку с ответчиком.

В 1625 г. выяснилось, что костромской выборный Г. А. Кафтырев всячески избегал службы, нанимая вместо себя «мальчика сна боярского неслужилого», о чем и били челом костромичи. На смотре в Туле Кафтырев оказался в «естях», после чего, переночевав, уехал домой. Г. Кафтырева прикрыв воевода Тулы И. Кафтырев, который объявил, что выборный человек не убежал, а отпущен «для болезни лечитца на время», а в его место оставлен племянник «со всею службою». На смотре этот племянник откликнулся именем Кафтырева, «а городом про Григорья сказали, что ево, Григорья отпустил воевода князь

<sup>30</sup> Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.

Иван Катырев для болезни, а служит ему самому мочно и всегда от службы отбываетца».

С другой стороны, каждый из членов корпорации сам мог оказаться в положении, когда ему необходимо было остаться дома или срочно покинуть место службы. Отсюда следует расширение перечня допустимых оснований «избывания службы»: хозяйственные неурядицы, пожары, бегство холопов и крестьян, болезни родных и т. д. В этом перечне присутствует и известное понимание соразмерности службы, когда ее тяжесть и продолжительность должны были поддерживаться соответствующими материальными вливаниями и поощрением со стороны властей. Если же власть не считается с этим, то возникает в сознании служилого человека законный повод для самовольного отъезда. Можно даже говорить о существовании в представлении сторон воображаемой служилой нормы, превышение которой должно так или иначе вознаграждаться. В эту норму входят такие понятия, как сроки (продолжительность), время, место, интенсивность и тяжесть службы, наконец, перенесенные опасности. Яркое проявление подобных взглядов — коллективные пожалования конца 1648 — начала 1649 гг., когда служилые люди выставили правительству «счет» за службы 1646–1647 гг., включая тяжелейшее «валовое дело». Похоже, что эти нормы складывались десятилетиями: к ним привыкали, от них отталкивались и крайне болезненно реагировали в случае увеличения. Изменение норм требовало смены целого поколения, обретения нового формата службы. Так, служба в полках иноземного строя, в сравнении с прежней сотенной сезонной службой, воспринималась дворянством как чрезмерная, сверхтяжелая. Отсюда упреки служилых людей из солдатских и рейтарских полков в адрес тех, кто исполнял сотенную службу: им легче, а вознаграждение выше. Впрочем, здесь легко угадывается продолжение длившейся десятилетиями конфронтации между провинциальными и столичными чинами. Но особенно показательно в этом плане петровское время. Регулярная армия, к тому же ведущая военные действия на чужой территории, постепенно отучила от привычного распуска полков на осенне-зимний период. Распуск вытеснялся отпуском. Неслучайно нормативная регламентация отпуска пришла на 1720-е — начало 1730-х гг., с окончанием войн Петра I<sup>31</sup>. Служебная норма со временем стала ассоциироваться с понятием «служебные заслуги» — основанием для чиновного продвижения в рамках абсолютизма.

Материальная несостоятельность служилых людей подталкивала правительство к разнообразным решениям. Выше уже шла речь о постепенном переходе к комплектованию рейтарских, драгунских и солдатских полков за счет казны. Понятно, что определяющим в этом была потребность достижения единообразия в вооружении и оснащении: принцип «конно, людно и оружно», порождавший разнорядность в вооружении и оснащении, был просто неуместен для полков иноземного строя.

<sup>31</sup> Фаизова И. В. Указ. соч. С. 38–39.

Само же вооружение, полученное от казны, делало ссылку на невозможность «подняться» на службу из-за бедности уже не столь убедительной.

В целом материальная несостоятельность служилых людей довела над властью на протяжении всего XVII столетия, побуждая подходить с осторожностью к наказанию нетчиков и беглых ратных людей. Стилистика многих указов такова, что подобная ситуация если не оправдывалась, то принималась в расчет. Фраза «не служат за бедностью» приняла устойчивый характер и фигурирует во многих случаях. Встречаются и иные сочетания: в грамоте воеводам от 1661 г. о выдаче ратным людям хлеба читаем: «Ведомо нам, великому государю, учинилось, что у вас в полку у наших государевых ратных людей хлебными запасами скудно, и от хлебных скудости многие ратные всяких чинов люди с нашей государевы службы из ваших полков разбежались». Понятно, что после выдачи кормов ссылки на нужду уже теряли всякое основание. Но, чтобы такое случилось, властям нужно было приложить усилия для организации снабжения ратных людей<sup>32</sup>.

Другой случай: в 1679 г. воеводы донесли в Москву о повальном бегстве служилых людей. Дело было обычное, однако на этот раз беглецы, прежде чем оставить свои формирования, взяли кормовые деньги. Проступок был признан заслуживающим сурового наказания, поскольку «нетчики не пошли на службу дуростью своею, а беглецы *збежали не от нужи* (курсив наш. — *И. А., А. Ч.*)». «Нужа», таким образом, признавалась причиной, отчасти оправдывающей прежнее бегство. При разборах и смотрах была даже выработана стереотипная формула, которая использовалась окладчиками как основание для оправдания: не наказывать, потому что не служил «за бедностью, а не за воровством и не за ленью»<sup>33</sup>.

Понятно, что, делая по необходимости подобную уступку ратным людям, власти должны были быть крайне осмотрительны и отличать истинно нуждавшихся от тех, кто прикрывался подобными объяснениями. Достигалось это по-разному. В 1641 г., объявляя для одной из служилых половин срок явки в Тулу к 1 мая, разрядные дьяки настоятельно советовали посылать запасы в город по зимнему пути: «А приехать на указной срок им мочно, для того, что им наша служба ныне сказана вовремя, не испустя пор, и запасы им на Тулу по зимнему пути отвезти мочно без больших проторей». Иначе говоря, служилых людей украинских городов предупреждали, что ссылки на нужду в дальнейшем не будут приняты к оправданию. Не запаслись вовремя — сами виноваты<sup>34</sup>.

<sup>32</sup> РИБ. Т. 10. Записные книги Московского стола. 1636–1663 г. СПб., 1886. С. 435; ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 560. Приведем еще один пример: Витебский воевода в октябре 1664 г. прислал именной список беглых солдат. На отписке — помета думного дьяка Д. Башмакова: «знатно, что они бежали от ево жесточи, и что не давал им корм и хлебных запасов; и он бы впредь от побега их удерживал, а на корм давал им хлебные запасы, чем им мочно быть сытим». См.: РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 57.

<sup>33</sup> *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 4. Тверь, 1895. С. 78.

<sup>34</sup> РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 151–152.

Власти всегда настороженно относились к теме бедности как оправданию неявки или плохой службы, поскольку подобное признание грозило взорвать изнутри всю систему службы. Так, в конце 1675 г., проводя в городах смотр и верстание новиков, правительство изложило свои претензии следующим образом: дворяне и дети боярские по наряду «на указные сроки, и после сроков ленью своею и огурством не приезжают; а иные, побыв на государеве службе в полку малое время, из полков бегают, и живут в домах своих в избылках, а люди они полные, и поместья и вотчины за ними жилия, и дачи немалыя, и с тех поместей и с вотчин полковая служба служить им мочно без съезда». В результате прозвучавшие на смотре ссылки на бедность не были приняты во внимание. Подчеркивалось, что, «избывая» безнаказанно службу, нетчики наносят урон еще и своим примером: «...И на таких смотря, и иные их братья в полки не приезжают и с государевы службы из полков бегают же»<sup>35</sup>.

В июне 1661 г., обращаясь к московским и провинциальным дворянам и детям боярским в связи с несанкционированным отъездом со службы, разрядные дьяки отмечали: бежали провинившиеся тогда, когда «скудости им в полках никакия не было». Далее следует указ воеводам о высылке за беглыми «розсыльщиков и иных, каких пригоще многих людей, и приказал им накрепко, чтоб высылщики служилых всяких чинов людей в уезде сыскивали с великим раденьем неоплошно безо всякаго мотчанья и без понаровки, а сыскав... тех всех выслать на нашу государеву службу при себе тотчас безсрочно». За укрывательство виновным грозила смертная казнь<sup>36</sup>.

В относительно спокойные времена, когда служба уездных городов сводилась к охране границ, воеводы с разрешения Москвы входили в положение служилых людей и по их челобитью отпускали из полков или давали отсрочку. Существовала определенная процедура отпуска, включавшая, в частности, подтверждение слов челобитчика его «половчанами». Упомянутые выше обстоятельства — болезни родных, разорение, бегство крестьян и т. д. — могли стать в такое время достаточным основанием для отсрочки или преждевременного отъезда. Вместе с тем в Разряде к подобного рода решениям полковых воевод относились настороженно: нередко за этим стояло заурядное злоупотребление, формальный повод для получения взятки, «потакание» родственникам и знакомцам. Неслучайно в VII главе Соборного уложения предусматривались санкции против подобных действий полковых воевод<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 1018–1019.

<sup>36</sup> Там же. С. 551–554.

<sup>37</sup> Уложение предусматривает наказание воеводам за несанкционированный отпуск, подозревая последних в корыстолюбии — взывании посулов и поминок (глава VII, ст. 10, 11). Предусмотрено также наказание сотенным головам, которые «для своей корысти» отпустят ратного человека. Норма предусматривает тюремное заключение и батоги, «чтобы на то смотря иным сотенным головам неповадно было так делати» (ст. 15–16 главы VII). См.: Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. Л., 1987. С. 25. См. также: Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Т. 2. СПб., 1855. С. 650–651.

Что касается дворянства, то, повторимся, оно охотно эксплуатировало тему бедности. На Земском соборе 1642 г. дворянские выборные объявили, что все они готовы служить, «где государь укажет», но только те, «кому в мочь»<sup>38</sup>.

Нетство как явление жизни находилось в постоянном развитии. По мере того как власти изыскивали способы заставить служилого человека своевременно являться на службу и служить, дворяне и дети боярские придумывали все новые и новые способы обойти законодательство и практику розыска беглых. Актовый материал позволяет познакомиться с этими ухищрениями служилых людей. К примеру, высельщикам служилые люди объявляли, будто «они служат с иными городами; а иные будто написаны в московских чинах и в начальные, и во дворовые люди, и в рейтары, и выборных полков в солдаты, а их в тех строях и в чинах нети не бывало»<sup>39</sup>. Отметим, что подобного рода уловки — следствие изменений, которые происходят в эти годы в организации службы. Здесь и результаты распада служилого города, деление внутри некогда единых служилых корпораций на тех, кто продолжал нести сотенную службу, и тех, кто оказывался в новых формированиях; последствия разрушения чиновных перегородок, открывавшего провинции путь в московский список и т. д. Все эти новации усложняли контроль за службой, поскольку предполагали учет служилых людей в разных ведомствах. Отныне воеводам приходилось выяснять, где кто служит и «в которых городех и что за кем в поместьях и в вотчинах»<sup>40</sup>. При этом «из начальных людей, и из рейтара, и из солдат в полковую службу с городом никого не писать; а велеть им быть в тех же чинах, как кто служит». Распад некогда единой системы сотенной службы также негативно отражался и на возможностях служилого города соучаствовать в поиске «неслугов». Окладчики и члены уездных корпораций не всегда могли дать сведения о том или ином человеке, несущем службу вне сотенного строя<sup>41</sup>. Система контроля и учета службы с появлением новых видов формирований все явственнее давала сбой.

Основным способом борьбы с «царевыми неслугами» оставалось наказание. Уже в законодательстве XVI в. присутствуют достаточно тяжелые санкции за неявку на службу, включая конфискацию поместий и вотчин<sup>42</sup>. Широко использовалась и другая мера давления — содержание крестьян и холопов нетчика в тюрьме до тех пор, пока он не явится к месту службы<sup>43</sup>. Нетство

<sup>38</sup> Акты, относящиеся к истории земских соборов / под ред. Ю. В. Готье. М., 1909. С. 49.

<sup>39</sup> ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 1020.

<sup>40</sup> Там же. С. 1022.

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 86.

<sup>43</sup> Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. С. 103, 214; АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 195.

также каралось убавкой оклада и денежного жалованья, переводом служилого человека в более низкий разряд и т. д.

Седьмая глава «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения подытожила прежнюю практику борьбы с побегами. В статье 8 читаем: «А которые государева ратные всяких чинов люди будут на государеве службе в полках, и государеву службу им по розбору служить мощно, а они не дождавса отпуску з государевы службы збегут, и им за побег чинити указ, кто збежит в первые, и его бити кнутом, а будет тот же збежит в другие, и его бити кнутом же, да поместного окладу у него убавити пятьдесят четвертей, да денег с поместного его окладу со ста четвертей по рублю, а будет он збежит в третьие, и его бити кнутом же, да у него же отняти поместье и отдать в раздачу»<sup>44</sup>. Соборное уложение предусматривало наказание и за бегство «з бою»: дезертиру грозила убавка вдвое не только поместного и денежного оклада, но и поместной дачи, т. е. реальных владений. Кроме того, его наказывали кнутом (ст. 19)<sup>45</sup>.

Вместе с тем статья 17 подтвердила практику замены служилого человека своими неслужилыми родственниками, если по состоянию здоровья или возрасту первый не мог явиться на службу. В случае отсутствия неслужилых родственников помещику разрешалось выставить даточных людей, «смотря по их поместьям, и вотчинам, и по прожитком»<sup>46</sup>.

Нельзя не признать, что настоящая статья таила в себе опасности, могущие при определенных условиях пошатнуть всю систему службы. Ведь под вопрос ставился основополагающий принцип личной службы<sup>47</sup>. Число родственников и даточных людей в полках со временем стало приобретать угрожающие размеры, открывая возможность зажиточным помещикам откупаться от службы, по сути, на законных основаниях.

Наряду с физическим и материальным наказанием нетчиков использовалась и такая мера, как понижение в статусе. Этой угрозе особенно были подвержены московские чины. Нарушение дисциплины могло обернуться для них выбыванием из московского списка и записью по служилому городу: быть им «в великой опале, а дети их и свойственники написаны будут с городами»<sup>48</sup>.

Приведем конкретные случаи наказания особо злостных нетчиков. В 1665 г. последовал специальный указ о Сергее Яцыне, которого «за ево воровство, что

<sup>44</sup> Соборное уложение 1649 года. С. 25.

<sup>45</sup> Там же. С. 26.

<sup>46</sup> Там же. С. 25–26.

<sup>47</sup> Еще более определенно об этом говорилось в статье 61 главы XVI «О поместных землях». Статья предусматривала отказ челобитчикам, претендующим на поместные земли отставленных бездетных служилых людей, за которыми владения сохранялись «по свой живот, а на государеву службу с тех их поместий имати у них даточных людей». См.: Там же. С. 82.

<sup>48</sup> ПСЗ. Т. 2. СПб., 1830. С. 282.



он государевы службы не служит и от службы избегает, поместья (так в документе. — *И. А., А. Ч.*) ево и вотчины отписать на себя великого государя и отдать в роздачу челобитчиков беспоместным, которые бывают на ево государеве службе по наряду с приезда и до отпуска, а ево выслать на свою государеву службу в Канев тотчас, для того, что ему дано государево жалованье...». Подобные же меры велено применять к другим нетчикам, «а у которых поместей и вотчин нет, и у тех [отбирать] дворы их и всякие заводы, чтоб им неповадно было впредь так воровать и с ево государевы службы бегать»<sup>49</sup>.

Разборы служилых людей также сопровождался неизменным вопросом, адресованным окладчикам и всему служилому городу: не является ли тот или иной человек злостным нетчиком? Положительный ответ грозил виновному наказанием, а также сложностями при очередном разборе. К примеру, в 1649 г. те, кто, по словам окладчиков, «на службе с города» бывают, но приезжают после указного срока, а уезжают до отпуска, убавили при раздаче жалованье: давали не по 14, а по 10 рублей<sup>50</sup>. При этом повышалось значение института окладчиков, которые должны были правдиво сообщать «про свою братию... которые служат старо, и на службах бывают, и которые ленью и воровством не служат и служеб бегают, и до отпуска не доживают, а служить им мочно, поместье и вотчины за ними есть, и которые не служат за бедностью»<sup>51</sup>.

Разумеется, появление указов с разными нормами наказания за одни и те же проступки — косвенное свидетельство того, что нередко они исполнялись слабо и непоследовательно. Неслучайно для борьбы с «воровскими казаками» Степана Разина второй Романов, наряду с обычными угрозами, посчитал необходимым обратиться к сословной «сознательности» дворянства. Ратных людей призывали защитить православную веру и церковь, исполнить крестное целование «и свою породу... и за свои дома служить со всяким усердием и со всею службою ехали к Москве тотчас безсрочно, не мешкая в домех своих безо всякия лености».

Власть нуждалась в мобилизации всего арсенала средств воздействия на ратного человека. Вообще же угроза жестоких наказаний звучала в указах столь часто, что в декларативности этих мер не приходится сомневаться. В противном случае власть могла бы оказаться просто без армии — слишком уж часто следовали призывы «ловить и вешать» беглецов-нетчиков<sup>52</sup>. Умеренное наказание и назидание — вот, пожалуй, тот идеал, к которому стремились Романовы в дополнение к настойчивым призывам заглаживать свою вину посредством все той же службы. После Смоленской войны нетчикам советовали: «...У которых поместье отнято, и вы заходите и добра, будет хотите поместей,

<sup>49</sup> РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 247.

<sup>50</sup> Там же. Т. 10. СПб., 1886. С. 437.

<sup>51</sup> Там же. С. 435.

<sup>52</sup> «А которые с службы сбежав, в дома свои приедут, и их велено ловить и вешать». См.: ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 487–488.

и вы служите». Примечательно, что в этом указе влиятельный разрядный дьяк В. Прокофьев сделал в мае 1635 г. помету: «Записать сей государев указ во всех столех, а челобитная вклеить в столп з государевым указом»<sup>53</sup>.

**Заключение.** Сбор, учет, поощрение одних и наказание за неявку и несанкционированный отъезд других — все это давно стало неотъемлемой частью службы, настоящей рутинной для Разряда, но рутинной, которая оборачивалась постоянной головной болью. В исчислении недостатков поместной армии нетство заняло видное место, побуждая задуматься о реформировании всей военной организации. И хотя переход к регулярной армии вызван в первую очередь военной революцией конца XVI–XVII вв., бегство и неявка на службу также внесли свою лепту в осознание необходимости коренных изменений в организации вооруженных сил.

Однако нетство было проблемой не только чисто военно-служебной. Во взаимоотношениях с властью это, во-первых, показательный маркер сословного самочувствия дворянства. Во-вторых, масштабность этого явления, его непосредственного и быстрого влияния на такую чувствительную сферу, как война, делали его эффективным способом давления на власть. Несомненно, этот фактор требует дальнейшего изучения при анализе сословной политики и даже при обращении к проблемам политической истории. Другой вопрос: насколько осознанно служилые люди прибегали к этому инструменту давления на власть. Мы не располагаем прямыми источниками, подтверждающими случаи сговора служилых людей о бегстве и неявке в полки. Однако случаи солидарных действий членов служилых корпораций общеизвестны. Наиболее ярко они проявлялись в коллективных дворянских челобитных, многие из которых появились на свет во время полковых съездов. Нельзя сбрасывать со счетов «невербальный сговор» членов служилых уездных корпораций. Эта проблема, требующая разработки особых методов работы с источниками, пока остается нетронутой.

Наконец, отчетливо прослеживается связь между нетством и ответными действиями правительства. Причем речь идет не только о наказании, но и о разного рода уступках и послаблениях, вплоть до важных продворянских законодательных актов. Все это дает основание рассматривать нетство и как один из способов давления на правительство наряду с коллективными челобитными<sup>54</sup>. Давления в рамках диалога служилого сословия с властью, который проходит красной нитью через все XVII столетие.

### Литература

1. Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.
2. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 496 с.

<sup>53</sup> АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 166.

<sup>54</sup> Лантева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М., 2010. С. 422–479.

3. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 331 с.
4. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М.: Госюриздат, 1954. 172 с.
5. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью / [пер. с англ. А. Б. Каменский]. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
6. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 593 с.
7. [Новосельский А. А.] Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. / [сверка документов и подгот. их к печати вып. С. М. Троицким] // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 303–343.
8. Скрынников Р. Г. Россия после oprичнины. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 223 с.
9. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 221 с.

### References

1. Andreev I. L. Dvorianstvo i sluzhba v XVII veke [Nobility and service in the XVII<sup>th</sup> century] // Otechestvennaia istoriia. 1998. № 2. P. 164–175. (In Russ.).
2. Veselovskii S. B. Feodal'noe zemlevladienie v severo-vostochnoi Rusi [Feudal tenure in North-Eastern Rus']. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. 496 p. (In Russ.).
3. Zimin A. A. V kanun groznykh potriasanii [On the eve of terrible upheavals]. Moscow: Mysl', 1986. 331 p. (In Russ.).
4. Kalinychev F. I. Pravovye voprosy voennoi organizatsii russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVII veka [Legal issues of the military organization of the Russian state in the second half of the XVII century]. Moscow: Gosiurizdat, 1954. 172 p. (In Russ.).
5. Kollmann N. Sh. Soedinennye chest'iu [United by honor] / [per. s angl. A. B. Kamenskii]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 459 p. (In Russ.).
6. Lapteva T. A. Provintsial'noe dvorianstvo v Rossii v XVII veke [Provincial nobility in Russia in the XVII<sup>th</sup> century]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2010. 593 p. (In Russ.).
7. [Novosel'skii A. A.] Kollektivnye dvorianskije chelobitnye o syske beglykh krest'ian i kholopov vo vtoroi polovine XVII v. [Collective petitions of the nobility about the search for runaway peasants and serfs in the second half of the XVII<sup>th</sup> century] / [sverka dokumentov i podgot. ikh k pečati vyp. S. M. Troitskim] // Dvorianstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI–XVIII vv.: sb. statei, posviashchennyi pamiati Alekseia Andreevicha Novosel'skogo. Moscow: Nauka, 1975. P. 303–343. (In Russ.).
8. Skrynnikov R. G. Rossiia posle oprichniny [Russia after the oprichnina]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 223 p. (In Russ.).
9. Faizova I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorianstva v XVIII stoletii [“Manifesto of Liberty” and the service of the nobility in the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1999. 221 p. (In Russ.).